

«МЯГКАЯ СИЛА»: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАУЧНОЙ КОНЦЕПЦИИ

М.В. Харкевич

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассматривается вопрос использования и трансформации американской научной концепции «мягкой силы» во внешнеполитической риторике США и России на основе теории коммуникативного действия Ю.Хабермаса и её адаптации к теории международных отношений Т.Риссе. В науке о международных отношениях распространение концепции «мягкой силы» в официальной внешнеполитической риторике ряда государств рассматривается скорее в терминах идеологической конкуренции между государствами. Продуктивнее анализировать особенности использования указанной концепции в отдельных странах как форму международной политической дискуссии о новых формах власти в мировой политике.

Анализ показал, что коммуникативное действие между США и России на основе дискуссии о содержании концепции «мягкая сила» пока, к сожалению, отсутствует. Причина заключается в том, что правительства обоих государств не видят пользы в «мягкой силе» как идеологической платформе для совместных действий. Для России «мягкая сила», по Наю, применима главным образом на постсоветском пространстве и, возможно, в отношении государств БРИКС. В отношении западных государств «мягкая сила» приобретает российскую специфику и проявляется в форме лоббизма и пропаганды, что в строгом смысле слова «мягкой силой» не является. В США с приходом к власти Обамы фактически произошёл отказ от «мягкой силы». Она слилась с «жёсткой силой», образовав аналитически недифференцированное понятие «умная власть».

Выводом данной статьи может служить тезис, согласно которому условием для возникновения коммуникативного действия в мировой политике является наличие коммуникативной рациональности у государств, которые потенциально могут принять участие в дискуссии. Коммуникативная рациональность скорее свойственна государствам постмодерна, которыми являются страны ЕС, чем государствам модерна, таким, как Россия и США.

Ключевые слова: «мягкая сила», коммуникативное действие, США, Россия, коммуникативная рациональность.

Наука о международных отношениях тесно связана с текущей международной политикой. При этом отношения между политической практикой и политической рефлексией всегда носили неоднозначный и непрямолинейный характер. Политическая рефлексия, с одной стороны, является отражением политической практики, с другой – она во многом определяет и формирует эту практику. К примеру, концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона в момент своего возникновения была умозрительной, однако со временем она стала оказывать определённое формирующее влияние на международную политику [20]. В то же время такие концепции, как «дилемма безопасности» или «баланс сил», имеют скорее эмпирический смысл, хотя нормативное измерение присутствует в любой теоретической концепции. Различие заключается в соотношении концепции реального и желаемого.

Наибольшую дискуссию как в академических, так и в политических кругах вызывают нормативные концепции, вошедшие в лексикон политических деятелей, такие, как «столкновение цивилизаций», «конец истории», «демократический мир», «мягкая сила». Не все участники мировой политики готовы некритично воспринимать формирующее воздействие нормативных концепций. В зависимости от характера отношений между актёрами, нормативные концепции могут выступать либо инструментом политического влияния (иерархический характер отношений), либо предметом политической дискуссии, уточняющей содержание таких концепций (неиерархический характер отношений).

Автором большинства популярных нормативных концепций в науке о международных отношениях является академическое сообщество США. Учитывая особую роль, которую играют США в мировой политике после окончания холодной войны, политики западных государств с настороженностью воспринимают исходящие от американцев концепции, часто рассматривая их скорее как инструмент влияния, чем повод для равноправной дискуссии. Действительно, огромные властные ресурсы США, особенно в военно-политической сфере, придают структуре мировой политики иерархический характер.

Политическая практика тем не менее демонстрирует, что рождаемые в США нормативные политические концепции активно заимствуются политическими элитами западных государств. Концепция «мягкой силы», например, была сформулирована американским профессором и политическим деятелем Дж. Наем. Она заняла прочные позиции не только в риторике, но и в официальных документах многих западных государств, прежде всего России и Китая. В настоящей работе автор предлагает рассматривать использование заимствованных нормативных концепций и переосмысление их содержания в иностранных государствах как форму международной дискуссии.

В науке о международных отношениях распространение концепции «мягкой силы» в официальной внешнеполитической риторике ряда государств рассматривается скорее в терминах идеологической конкуренции между государствами. Продуктивнее анализировать особенности использования указывания концепции в отдельных странах как форму международной политической дискуссии о новых формах власти в мировой политике. Анализ практики заимствования и переосмысления зарубежных нормативных концепций как формы дискуссии в мировой политике позволяет увидеть конструктивную составляющую в переосмыслении содержания зарубежных научных концепций.

Условия коммуникативного действия в мировой политике

Автором теории «коммуникативного действия» является Ю. Хабермас [11], в науке о международных отношениях данная теория распространилась благодаря работе Т. Риссе [19]. Коммуникативное действие, согласно Ю. Хабермасу, является кооперативным действием, предпринятым актёрами по результатам их совместной делиберативной дискуссии. Целью коммуникативного действия является поиск истины (наилучшего из возможных аргументов), а не победы или доминирования. Коммуникативное действие основано на коммуникативной рациональности, которая противопоставляется Хабермасом инструментальной, нормативной и драматургической рациональности.

Инструментальная рациональность лежит в основе телеологического или стратегического действия, направленного на максимальное эффективное достижение цели, ценность и значение которой не ставится под вопрос. Инструментальной рациональности соответствует дискуссия в форме торга. В ходе такой дискуссии интересы и идентичности актёров не претерпевают изменения, цель заключается в максимизации, оптимизации или удовлетворении определённых предпочтений. Мир инструментальной рациональности описывает теория рационального выбора.

Нормативная рациональность предполагает нормативное действие, основанное на нормах, правилах и конвенциях. Цель таких действий заключается не в максимизации определённых интересов и предпочтений, а в наиболее полном соответствии определённым нормам и правилам, которые проявляются таким образом конститутивную и регулятивную причинность в социальных отношениях. Мир нормативной рациональности описывает теория социального конструктивизма.

Драматургическая рациональность определяет действия, направленные на презентацию своего образа перед другими актёрами. Драматургическим действием актёр регулирует раскрытие своей субъективности для других

■ Международные отношения

акторов, но не для общества в целом. Мир драматургической рациональности описывает психология личности.

Коммуникативная рациональность, в отличие от остальных форм рациональности, основана на intersubъективном процессе аргументированного обсуждения возникающих между акторами вопросов, целью которого является поиск консенсуса, который становится основанием для совместного (коммуникативного) действия. Ценности, интересы и предпочтения акторов в ходе такой дискуссии претерпевают изменения. Основное отличие коммуникативной рациональности заключается в её intersubъективности. У неё нет фиксированной основы в эффективности (инструментальная рациональность), в общественных нормах и правилах (нормативная рациональность), в субъективной рефлексии актора (драматургическая рациональность). Коммуникативная рациональность формируется в ходе дискуссии, определяется этой дискуссией и принадлежит актёрам, которые принимают участие в дискуссии.

Согласно Хабермасу, коммуникативная рациональность создаёт основу для современного этапа развития модернизации. Модернизация, как таковая, является для Хабермаса рационализацией. В описании модернизации от Вебера до Адорно доминировала инструментальная рациональность. Попытки описать современный этап модернизации в терминах инструментальной рациональности окончились для Адорно и Хоркхаймера провалом. Современный этап модернизации вышел, по мнению Хабермаса, за пределы философии сознания и перешёл в сферу философии коммуникации. Хабермас разворачивает идею о том, что переход от когнитивно-инструментальной к коммуникативной рациональности позволяет придать новую жизнь формуле «модернизация – это рационализация».

Условиями для коммуникативного действия является наличие у актёров «общего жизненного мира» (*gemeinsame Lebenswelt*) в форме общей культуры, общей системы институтов, норм и правил. Кроме того, актёры должны обладать равным доступом к дискуссии и признавать друг друга в качестве легитимных участников такой дискуссии. Т. Риссе увидел в теории коммуникативного действия эвристический потенциал для объяснения современной мировой политики, так как данная теория раскрывает новую форму логики, отличную от логики цели (теория рационального выбора) и логики нормы (конструктивизм).

Теория коммуникативного действия обнаруживает логику аргумента в мировой политике [19]. Если коммуникативная рациональность описывает современное состояние модернизации в целом, то она должна быть применима и для описания и объяснения мировой политики, значительная часть которой пребывает в состоянии модерна. Необходимыми условиями раз-

вития коммуникативной рациональности между актёрами мировой политики, согласно Т. Риссе, являются:

- наличие общих институтов, норм и правил;
- неиерархические отношения между актёрами;
- неопределённость интересов или отсутствие определённого знания и понимания проблемной ситуации;
- существование сетевых институтов, которые служат благоприятной дискуссионной площадкой.

Всем этим условиям удовлетворяют отношения между США и Россией. Опыт холодной войны сформировал во многом искажённый, однако всё же общий жизненный мир между США и Россией. Двум супердержавам удалось сохранить войну в холодном состоянии, они умели договариваться по стратегическим вопросам сохранения международного мира и продолжают демонстрировать это умение. Россия все глубже интегрируется в институты глобального управления, такие, как G8 и G20, ВТО, ОЭСР, Давосский форум и др.

«Мягкая сила» как нормативная концепция

Дж. Най в своей последней книге «Будущее власти» прямо утверждает, что «мягкая сила» является скорее дескриптивной, чем нормативной концепцией [18, р. 81]. Как и любая иная сила, «мягкая сила», по утверждению Дж. Наю, может использоваться как во благо, так и во зло. Гитлеровская Германия, например, тоже обладала «мягкой силой». Не отрицая привлекательности зла (зло зачастую может быть даже привлекательнее добра), следует всё же осторожно относиться к исключительной дескриптивности «мягкой силы». Придание научной концепции исключительно дескриптивных характеристик повышает её объективность (научный статус), а следовательно, и привлекательность. Однако даже поверхностный анализ «мягкой силы» позволяет выявить нормативное содержание данной концепции.

Ресурсами «мягкой силы», согласно Дж. Наю, являются «культура (если она привлекательна для других), политические ценности (если государство придерживается их в своей внутренней и внешней политике) и внешняя политика (если она воспринимается как легитимная другими государствами и обладает моральным авторитетом)» [18, р. 84]. Нормативность «мягкой силы» заключается в её моральной составляющей. Два из трёх ресурсов «мягкой силы» непосредственно связаны с моралью. Необходимость придерживаться провозглашаемых ценностей во внутренней и внешней политике тождественна моральной максиме о том, что:

- дела не должны расходиться со словами;
- самая убедительная проповедь не в слове, а в деле;
- нельзя требовать от других того, что не выполняешь сам, и т.д.

О моральной составляющей третьего ресурса «мягкой силы» – внешней политике Дж. Най пишет прямо. Кроме ресурсов, «мягкая сила» зависит также от поведения акторов. Она проявляется в следующих формах поведения: создание привлекательного образа, убеждение, определение повестки дня [18, р. 90–94]. Создание привлекательного образа зависит также от того, насколько субъект «мягкой силы» похож на её объект (нам нравится то, что похоже на нас). Кроме того, привлекательность субъекта силы определяется наличием/отсутствием у него следующих характеристик: доброты (benignity), компетентности и красоты (харизмы). Добрый актор вызывает симпатию, доверие, уверенность. Компетентность актора показывает, насколько хорошо он умеет что-то делать. В случае наличия высокой компетентности в определённых сферах деятельности актор вызывает уважение, восхищение, желание подражать. Красота и харизма в интерпретации Най заключаются в мере соответствия актора идеалам, ценностям. Красота вдохновляет и привлекает.

Доброта, умение и красота – ценности, стремящиеся скорее к полюсу блага, нежели зла. В концепции «мягкой силы» можно обнаружить также либеральное содержание. Если согласиться с мнением Дж. Най, что наибольшим объёмом «мягкой силы» в мире обладают США, то исходя из тезиса о необходимости некоторой меры тождества между субъектом и объектом «мягкой власти» следует предположить, что большая часть мира в определённой мере похожа на США, то есть разделяет их ценности – свободу (либерализм), частную собственность (рыночную экономику) и стремление к счастью.

Концепция «мягкой силы» связана с США не только через субъектно-объектные отношения, в которых она реализуется, но и генетически. Утилитарная задача популяризации концепции «мягкой силы» заключалась в преодолении в американском академическом сообществе ожиданий скорого заката США [12]. Ожидание упадка гегемонии США стало нарастать в американском академическом и гражданском обществе с 1970-х гг. В 1971 г. президент Никсон отменил привязку доллара к золоту из-за высокой внутренней инфляции и дефицита внешнеторгового баланса. Пессимистическим настроениям в США в это время способствовало также фактическое поражение во Вьетнаме, откуда американские войска были выведены в 1973 г. В это же время случился мировой нефтяной кризис, болезненно отразившийся на американской экономике. К 1980-м гг. США из крупнейшего в мире кредитора превратились в должника, а доля США в мировом ВВП сократилась за 30 лет с 33% в 1950 г. до 23% в 1980 г. Доля Соединённых Штатов в мировых золотовалютных запасах снизилась за это же время с 50

до 9%. К концу 1980-х гг. опросы общественного мнения в США показывали: половина американцев была уверена, что их страна находится в состоянии упадка [15]. Многие исследователи в это время полагали, что США обречены повторить судьбу Британской империи.

В этих условиях в 1990 г. Дж. Най публикует книгу «Bound to Lead: The changing nature of American power», в которой подвергает критике тезис об упадке гегемонии США. Най утверждает, что Америка не повторит судьбу Великобритании: США, в отличие от Великобритании, доминируют в мире не только по «жесткой», но и по «мягкой силе». В условиях сложной взаимозависимости, которой стали характеризоваться отношения между развитыми государствами в 1970–1980 гг., управлять и добиваться результатов в мировой политике можно было, по мнению Най, именно с помощью «мягкой силы». В этом же 1990 г. Най представил подробный анализ концепции «мягкой силы» в одноименной статье [15]. «Мягкая сила» называется в ней «кооптивной силой». С её помощью «государство структурирует ситуацию таким образом, что остальные государства формируют предпочтения и определяют свои интересы в соответствии с интересами страны-источника данной силы. Ресурсами «мягкой силы» являются культурная и идеологическая привлекательность, а также правила и институты международных режимов» [15, р. 168].

Конкурирующей концепцией власти, которая также ставила под вопрос тезис о скором и неминуемом закате гегемонии США, была концепция структурной власти, пропагандируемая в конце 1980-х гг. С. Стрэндж [21]. Однако структурная власть не приобрела популярности среди политиков. Возможно, причина заключается в более выраженной академичности понятия структурной власти по сравнению с «мягкой силой». Академическим эквивалентом «мягкой силы» является «третье измерение»¹ власти, определённое С. Люксом как способность формировать предпочтения и ценности других акторов [13]. Однако идеи С. Люкса стали востребованы в политической практике США, а затем и других государств только в формулировках Дж. Най. С одной стороны, эти формулировки были проще и более запоминающимися, с другой стороны, Дж. Най хорошо известен не только в академических, но и в политических кругах США, что позволило ему донести концепцию «мягкой силы» до политических функционеров.

Таким образом, «мягкая сила» обладает нормативным содержанием, которое состоит в ссылаках на мораль, доброту, компетентность, красоту, либерализм, частную собственность.

¹ Первое измерение власти – это принудительная власть, выраженная в определении Р. Даля как «способность А вынудить В делать то, что в ином случае В не делал бы» [8]. Второе измерение власти – это власть над повесткой дня; теория данной формы власти развита в трудах П. Бахраха и М. Бараца [6].

Политическая дискуссия о «мягкой силе»: позиция России и США

Участие России в дискуссии о «мягкой силе» можно проследить по документам на официальном сайте МИД России. Впервые «мягкая сила» упоминается в интервью министра иностранных дел России С.В. Лаврова по тематике отношений с зарубежными русскоязычными общинами, опубликованное в «Российской газете» 30 октября 2008 г. Министр определяет «мягкую силу» как «способность воздействовать на окружающий мир с помощью своей цивилизационной, гуманитарно-культурной, внешнеполитической и иной привлекательности» [3]. Он положительно отнесся к данной форме силы и предположил, что взаимоотношения с соотечественниками за рубежом следует выстраивать с учётом факторов «мягкой силы».

Второе, уже более развёрнутое упоминание «мягкой силы» датировано 2011 г. Заместитель министра иностранных дел Г.Б. Карасин в интервью журналу «Свободная мысль» определил «мягкую силу» как «способность проецировать за пределы национальных границ достижения в экономике, науке, технологическом развитии, культурно-гуманитарной сфере, повышая тем самым привлекательность своей страны» [1]. Перечисляя деятельность по развитию «мягкой силы» России, Г.Б. Карасин назвал выдвигание внешнеполитических инициатив, таких, как:

– предложение Президента РФ Д.А. Медведева о заключении юридически обязывающего Договора о европейской безопасности, основанного на идее неделимой безопасности для всех без исключения государств региона Евро-Атлантики;

– предложения в области коллективного реагирования на чрезвычайные ситуации, природные и техногенные катастрофы, создание для этого адекватных международных механизмов.

Повышению привлекательности России, по мнению Г.Б. Карасина, способствует также вовлечение гражданского общества во внешнеполитический процесс. Этому должны способствовать некоммерческое партнёрство «Российский совет по международным делам», а также Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, который наделён функцией распространения грантов с целью содействия реализации внешнеполитических проектов российских НПО.

В 2012 г. официальная российская риторика была критично относительно оценки использования другими государствами «мягкой силы» в отношении России. В своей программной предвыборной статье по внешней политике, опубликованной в конце февраля 2012 г. в «Московских новостях», В.В. Путин в значительной мере упростил концепцию «мягкой силы». Он определил её как «комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счёт информационных и других рычагов воздействия» [5]. «Мягкая

сила» в этом определении стала эквивалентом невоенной силы. При этом В.В. Путин резко раскритиковал цели использования мягкой силы иностранными государствами. «Нередко эти методы используются для взращивания и провоцирования экстремизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств» [5].

Для В.В. Путина «мягкая сила» эквивалентна лоббизму. Лоббизм открытый и прозрачный является нормой жизни западных государств. Лоббизм тайный всегда опасен, его сложно контролировать как власти, так и обществу. В результате в стране может сформироваться значительная сеть иностранных агентов, которые будут под вывеской правозащитной или природоохранной деятельности тайно проводить в жизнь политические интересы иностранных государств, как правило в форме финансирования оппозиционной деятельности. В.В. Путин после своего избрания на третий срок подписал закон, согласно которому НПО на территории России, финансируемые из-за рубежа, получают статус «иностранных агентов». Интересно отметить, что под подозрение В.В. Путина попали именно западные государства, так как в своей статье он подчёркивает, что НПО стран БРИКС действуют на территории иностранных государств открыто и не занимают подпольной политической деятельностью.

В октябре 2012 г. С.В. Лавров в интервью газете «Коммерсантъ» перечислил случаи неправомерного использования «мягкой силы» в отношении России: искажение информации при освящении западными СМИ военного конфликта с Грузией в августе 2008 г., а также информационная кампания в защиту участниц панк-группы «Pussy riot» [4]. В этом комментарии министра «мягкая сила» приравнивается к информационной войне, что соответствует определению «мягкой силы» В.В. Путиным.

Такое двойственное и упрощённое отношение к «мягкой силе» было утверждено в Концепции внешней политики РФ от 12 февраля 2013 г. В документе утверждается, что «усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования «мягкой силы» и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом» [2].

Российские власти, таким образом, признают значение «мягкой силы» в мировой политике, стараются повышать привлекательность России с помощью СМИ и институтов гражданского общества, однако понимание данной концепции сводится у них зачастую к лоббизму, пропаган-

де и форме информационного прикрытия для вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Официальный Вашингтон также отошёл в своей риторике от понимания «мягкой власти» по Наю. Концепция стала частью риторики только во второй срок Дж. Буша-мл. В течение первого срока Дж. Буша-мл. администрация президента относилась скептически к «мягкой власти». Когда журналисты спросили в 2003 г. Д. Рамсфельда о его мнении относительно «мягкой силы», он ответил: «Я не знаю, что это означает» [16, р. ix]. Во второй срок Дж. Буша-мл. стратегические и материальные сложности военной кампании в Афганистане, рост антиамериканизма в мире заставили президента и его администрацию обратить внимание на «мягкую силу» [17]. Госсекретарь К. Райс нередко упоминала в своих выступлениях «мягкую силу», связывая её с такими понятиями, как «свобода», «демократия», «цивилизация» [10, р. 431]. Даже Д. Рамсфельд в 2005 г. признал «мягкую силу», заявив, что «применение оружия – это всегда последняя опция; мягкая сила – вот что по-настоящему всегда необходимо» [10, р. 431]. Его преемник на посту министра обороны Р. Гейтс проявил ещё больший энтузиазм в отношении «мягкой силы», придав ей, однако, инструментальное значение. Говоря о «мягкой власти», он указывал на необходимость усиления гражданских инструментов национальной безопасности, таких, как дипломатия и стратегическая коммуникация [10, р. 431].

Госсекретарь Х. Клинтон сместила акцент с «мягкой» на «умную силу». «Умная сила», согласно тому же Дж. Наю, является динамичной комбинацией «мягкой и жёсткой силы», пропорция которых во внешнеполитическом инструментарии должна меняться в зависимости от контекста и объекта влияния. Количество упоминаний термина «умная сила» на сайте Госдепартамента стало существенно опережать количество упоминаний «мягкой власти» (350 против 15). Причина заключалась в том, что «мягкая власть» редко употреблялась без упоминания «жёсткой власти», а «умная власть» объединяла оба понятия. Кроме того, прилагательное «умный» приобрело широкую популярность в маркетинге, рекламе, СМИ. Сегодня умными становятся и мобильные телефоны, дома, машины и даже холодильники. Согласно этой логике, власть тоже должна быть умной.

Однако в этой трудноразделимой смеси под названием «умная власть» концепция «мягкой власти» утрачивает свою самостоятельность и аналитическую ценность. «Умная власть», по сути, становится эквивалентом компетентной внешней политики, которая не должна использовать один и тот же набор инструментов для решения различных проблем [7].

Как видно из выше изложенных фактов, концепция «мягкой силы» претерпела изменение не только в российском, но и в американском внешнеполитическом дискурсе. В США, как и в России, политики подчёркивают инструментальное значение «мягкой власти». В итоге «мягкая сила» слилась с «жёсткой силой», образовав «умную силу». В России «умная сила» в официальной внешнеполитической риторике практически не упоминается.

Заключение

Коммуникативное действие США и России на основе дискуссии о содержании концепции «мягкая сила» пока, к сожалению, отсутствует. Причина заключается в том, что правительства обоих государств не видят особенной пользы в «мягкой силе» как идеологической платформе для совместных действий. Для России «мягкая сила» применима главным образом на постсоветском пространстве и, возможно, в отношении государств БРИКС. В отношении западных государств «мягкая сила» приобретает российскую специфику и проявляется в форме лоббизма и пропаганды, что в строгом смысле слова «мягкой силой» не является.

В США с приходом к власти Б. Обамы фактически произошёл отказ от «мягкой силы». Она слилась с «жёсткой силой», образовав аналитически трудно применимое понятие «умная власть». Одним из выводов данной статьи может служить тезис, согласно которому условием для возникновения коммуникативного действия в мировой политике должно быть наличие коммуникативной рациональности у государств, которые потенциально могут принять участие в дискуссии. США и Россия являются ярко выраженными государствами модерна, в которых доминирует инструментальная рациональность. Под действием данной рациональности концепция «мягкой силы» трансформировалась в политической риторике обоих государств, с одной стороны, в лоббизм и пропаганду, с другой стороны – в умелую внешнюю политику.

Список литературы

1. Карасин Г. Б. Интервью статс-секретаря — заместителя Министра иностранных дел России Г.Б.Карасина журналу «Свободная мысль» № 12, 2010 год. URL: http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/6a5f93a96aa86373c3256f6d00540599/25c601b45628acd4c3257824002b6fe4!OpenDocument
2. Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f!OpenDocument>
3. Лавров С. В. Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова по тематике отношений с зарубежными русскоязычными общинами, опубликованное в «Российской газете» 30 октября 2008

■ Международные отношения

- года. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dgpch.nsf/bab3c4309e31451cc325710e004812c0/432569ee00522d3cc32574f2002d1ca0!OpenDocument>
4. Лавров С. В. Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова газете «Коммерсантъ», опубликованное 3 октября 2012 года. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/43322DCFE93D88EA44257A8C0024041F
 5. Путин В.В. Россия и меняющийся мир. URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBNovBric/C325786100462DFE432579B1000BD85F>
 6. Bachrach P., & Baratz M. S. (1962). Two Faces of Power. *The American Political Science Review*, 56(4), 947-952.
 7. Clinton H. Remarks on American Leadership at the Council on Foreign Relations. Retrieved 01.06.2014, from US Department of State: <http://www.state.gov/secretary/rm/2013/01/203608.htm>
 8. Dahl R. (1957). The Concept of Power. *Behavioral Science*, 2(3), 201-215.
 9. Dijk T. A. (1997). What is political discourse analysis? *Belgian journal of linguistics*, 11(1), 11-52.
 10. Eriksson J., & Norman L. (2011). Political utilisation of scholarly ideas: the 'clash of civilisations' vs. 'Soft Power' in US foreign policy. *Review of International Studies*, 37, 417-436.
 11. Habermas J. (1984). *The Theory of Communicative Action, Volume 1: Reason and the Rationalization of Society*. Boston: Beacon.
 12. Kennedy P. (1988). *The Rise and Fall of the Great Powers*. London: Unwin Hyman.
 13. Lukes S. (1974). *Power: a Radical View*. Macmillan.
 14. Nye J. (1990). *Bound to lead: The changing nature of American power*. New York: Basic Books.
 15. Nye J. (1990). *Soft Power*. *Foreign Policy*(80), 153-171.
 16. Nye J. (2004). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.
 17. Nye J. (2005, 02 24). President Bush Goes Soft. Retrieved 01 06, 2014, from Project Syndicate: <http://www.project-syndicate.org/commentary/president-bush-goes-soft>
 18. Nye J. (2011). *The future of power*. New York: PublicAffairs.
 19. Risse T. (2000). "Let's Argue!": Communicative Action in World Politics. *International Organization*, 54(1), 1-39.
 20. Said E. (1998). *The Myth of 'The Clash of Civilizations'*. Northampton: Media Education Foundation.
 21. Strange S. (1987). The Persistent Myth of Lost Hegemony. *International Organization*, 41(4), 551-574.

Об авторе

Харкевич Максим Владимирович – к.полит.н., старший преподаватель кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России. E-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru

SOFT POWER: POLITICAL USE OF A SCIENTIFIC CONCEPT

M.V. Kharkevich

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The article discusses the use and transformation of the American scientific concept "soft power" in official Russian and US foreign policy rhetoric with the methodological help of Habermas' communicative action theory and its adoption to IR by T. Risse. In mainstream IR the proliferation of the "soft power" concept is viewed in terms of ideological competition among states. The author argues that it is better to view this process as a form of international political deliberations on new forms of power in world politics.*

The article shows that there's no communicative action of US and Russia based on their tentative discussion of the "soft power" concept. On of reasons might be the lack of interest of both states for the concept as an ideological basis for cooperative actions. For Russia soft power in its classical form might be used towards its near abroad and probably BIC states. In dealings with western states Russian soft power turns into lobbyism and propaganda which is strictly not soft power. US under Obama have basically refuted the concept, having changed it for analytically meaningless "smart power". The conclusion is that communicative action requires prior existence of commutative rationality. This type of rationality is evident among postmodern states – the EU member states – and apparently absent among modern states such as Russia and US.

Key words: soft power, communicative action, US, Russia, communicative rationality.

References

1. Karasin, G. B. (26 01 2011). Interv'iu stats-sekretaria — zamestitelia Ministra inostrannykh del Rossii G.B.Karasina zhurnalu «Svobodnaia mysl'» № 12, 2010 god. [Interview of Deputy Minister of Foreign Affairs of Russia to Journal "Svobodnaia misl'"] Retrieved 06 01 2014, from the Official web site of the Russian Foreign Ministry: http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/6a5f93a96aa86373c3256f6d00540599/25c601b45628acd4c3257824002b6fe4!OpenDocument
2. Kontsepsiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [The Concept of Russian Foreign Policy]. (12 021 2013). Retrieved 16 01 2014, from the Official web site of the Russian Foreign Ministry: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f!OpenDocument>
3. Lavrov, S. V. (30 10 2008). Interv'iu Ministra inostrannykh del Rossii S.V.Lavrova po tematike otnoshenii s zarubezhnymi russkoiazychnymi obshchinami, opublikovannoe v «Rossiiskoi gazete» 30 oktiabria 2008 goda [Interview of the Russian Foreign Minister to "Rossiyskaia gazeta" on the issue of relations with Russian diasporas]. Retrieved 06 01 2014, from the Official web site of the Russian Foreign Ministry: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dgpch.nsf/bab3c4309e31451cc325710e004812c0/432569ee00522d3cc32574f2002d1ca0!OpenDocument>
4. Lavrov, S. V. (10 03 2012). Interv'iu Ministra inostrannykh del Rossii S.V.Lavrova gazete «Kommersant'», opublikovannoe 3 oktiabria 2012 goda [Interview of the Russian Foreign Minister to newspaper "Kommersant"]. Retrieved 06 01 2014, from Official web site of the Russian Foreign Ministry: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/43322DCFE93D88EA44257A8C0024041F
5. Putin, V. V. (27 02 2012). Rossiia i meniaiushchiisia mir [Russia and the Changing World]. Retrived 06 01 2014, from the Official web site of the Russian Foreign Ministry: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBNovBric/C325786100462DFE432579B1000BD85F>
6. Bachrach, P., & Baratz, M. S. (1962). Two Faces of Power. *The American Political Science Review*, 56(4), 947-952.
7. Clinton, H. (2013, 01 31). Remarks on American Leadership at the Council on Foreign Relations. Retrieved 01 06, 2014, from US Department of State: <http://www.state.gov/secretary/rm/2013/01/203608.htm>
8. Dahl, R. (1957). The Concept of Power. *Behavioral Science*, 2(3), 201-215.
9. Dijk, T. A. (1997). What is political discourse analysis? *Belgian journal of linguistics*, 11(1), 11-52.
10. Eriksson, J., & Norman, L. (2011). Political utilisation of scholarly ideas: the 'clash of civilisations' vs. 'Soft Power' in US foreign policy. *Review of International Studies*, 37, 417-436.
11. Habermas, J. (1984). *The Theory of Communicative Action, Volume 1: Reason and the Rationalization of Society*. Boston: Beacon.
12. Kennedy, P. (1988). *The Rise and Fall of the Great Powers*. London: Unwin Hyman.
13. Lukes, S. (1974). *Power: a Radical View*. Macmillan.
14. Nye, J. (1990). *Bound to lead: The changing nature of American power*. New York: Basic Books.
15. Nye, J. (1990). Soft Power. *Foreign Policy*(80), 153-171.
16. Nye, J. (2004). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.
17. Nye, J. (2005, 02 24). President Bush Goes Soft. Retrieved 01 06, 2014, from Project Syndicate: <http://www.project-syndicate.org/commentary/president-bush-goes-soft>
18. Nye, J. (2011). *The future of power*. New York: PublicAffairs.
19. Risse, T. (2000). "Let's Argue!": Communicative Action in World Politics. *International Organization*, 54(1), 1-39.
20. Said, E. (1998). *The Myth of 'The Clash of Civilizations'*. Northampton: Media Education Foundation.
21. Strange, S. (1987). The Persistent Myth of Lost Hegemony. *International Organization*, 41(4), 551-574.
22. USAID. Kazakhstan. Mode of access: <http://www.usaid.gov/ru/kazakhstan>

About the author

Kharkevich Maksim Vladimirovich – Candidate of Political Sciences, a Senior Lecturer at the Department of World Politics, MGIMO-University. E-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru